

ОЛЬГА КОМАРОВА

По прочтении скандинавских переводов Б. Акунина

Произведения Б. Акунина изданы во многих странах, и в Скандинавии тоже появились первые романы из серии об Эрасте Фандорине. Почти одновременно в Норвегии и Швеции появился перевод «Азазеля» под названием «Зимняя королева», и загадочно оформленный одинаковой картинкой на суперобложке. Чтение знакомых романов по-шведски и по-норвежски заставило меня пристальнее взглянуть на некоторые стороны художественной манеры Б. Акунина, некоторыми своими соображениями мне и хотелось бы здесь поделиться.

Феномен читательского успеха Б. Акунина заслуживает отдельного анализа, нас же интересует тот факт, что без исключения во всех критических отзывах об Акуanine, как положительных, так и отрицательных, неоспоримым является факт удивительного языкового мастерства писателя. Книги написаны рукой человека, хорошо знающего русскую и зарубежную литературу, историю, культуру, прекрасно владеющего русским языком. Теперь уже известно, что под псевдонимом Б. Акунин скрывается Григорий Шалвович Чхартишвили, мастерски переводивший с английского великих писателей XIX в., а также современных японских авторов. Автор приключенческих романов об Эрасте Фандорине полагает, что «массовая литература, к которой в нашей стране всегда относились с пренебрежением, – занятие очень важное. В некотором отношении более важное, чем элитарная литература. К массовой литературе проявляет интерес гораздо больше людей, и она вовсе не обязана быть примитивной – она может быть сколько угодно возвышенной и квалифицированной» (Время новостей. 06.12.2000) Произведения самого Б. Акунина несомненно отвечают этим требованиям. Для писателя важно, чтобы его читал самый разный читатель, находя каждый свое. В том же интервью писатель продолжает: «Я хочу, чтобы читателю было со мной интересно ... Я не хочу его вос-

питывать, куда-то вести. Я хочу с ним играть ... Это игра с начитанным читателем. 'А вот это ты узнал? А это ты читал?'

В значительной степени именно эта интеллектуальная игра в произведениях Б. Акунина дает основания связывать его произведения с литературой постмодерна, она проявляется в насыщенности его текстов ассоциациями с миром русской литературы и культуры. Это стало ясно еще в первом романе, где впервые появляется герой по имени Эраст Фандорин, и уже тем самым пробуждает ассоциации как с Карамзиным, так и с Фонвизиным. Сам писатель в разных своих произведениях проводит связь и с доктором Дорном («Чайка») и даже с Горацио («Гамлет»). Довольно часто на страницах произведений Акунина живут люди с псевдознакомыми дворянскими или литературными фамилиями типа генерал Соболев, графиня Врейская, художник Берецагин и даже Маша Миронова. Русская литература и культура присутствуют в тексте все время, подталкивая фантазию читателя, развивая или опровергая литературные стереотипы, оправдывая или разбивая ожидания читателей. Именно это дало критику Данилкину основание заявить, что «так задается ритм чтения: как нечто неновое, знакомое, домашнее, уютное» (Данилкин. 2000:35) Понятно, что во многом именно этот дополнительный элемент в переводе воссоздать чрезвычайно сложно в силу различия различных фоновых знаний читателей двух стран.

В данной статье мы обратимся к языковой специфике произведений Б. Акунина, способствующей популярности их у российского читателя, и весьма осложняющих жизнь переводчиков. Переводы выпущены солидными издательствами и выполнены опытными литературными переводчиками Исаком Рогде – перевод на норвежский, на шведский переводила Кристина Роткирх.

Помимо ассоциативного плана, присущего текстам Акунина, в них также ярко проявляется авторское умение стилизовать текст «под старину», авторская интонация, окрашивающая повествование юмором или иронией, присутствующими как в речи персонажей, так и в авторском описании.

Язык автора отражает, как известно, культурные и лингвистические предпочтения его времени и окружения. В произведениях Б. Акунина о Фандорине действие протекает в конце XIX в., и язык

произведений стилизован под соответствующую эпоху. Это выражается в том, что принято называть «verbal plurality» (Aksoy 2001:196) – множественностью языкового облачения, от авторских описаний и речевой характеристики персонажей до псевдоподлинных газетных репортажей. В этом плане сложностей для переводчика возникает немало.

Столь импонирующий русскоязычному читателю умело имитируемый Акуниным *синтаксис* – с употреблением многоступенчатых придаточных предложений и деепричастных оборотов – переносит читателя в мир литературы XIX века. Для норвежского и шведского языков с отсутствием в них деепричастных оборотов и гораздо более скромным использованием причастных, этот прием стилизации пропадает почти полностью, поскольку переводчики не рискуют часто строить периоды с несколькими придаточными. Однако попытки стилизации все-таки имеют место, и синтаксис перевода имитирует синтаксис норвежских и шведских писателей того же периода.

В области *лексической* стилизации под старину выражается у Б. Акунина во вкраплении довольно большого количества архаической лексики, использовании библейских выражений, употреблении английских и французских словечек и пр. Рассмотрим один пример. Один из персонажей сразу при первом своем появлении в романе «Азазель» говорит: «Ну, вот и я, милый отрок. Порфирий Мартынов сын Пыжов, господний раб и губернский секретарь ... Прилетел по первому же мановению. Как ветер на зов Эола. По роду занятий приходится вступать в сношения с ужасными субъектами, обитателями самого дна общества. Совершеннейшие мизерабли, уверяю вас. Господину Юго такие и не снились. Но ведь тоже души человеческие, и к ним можно подходец сыскать» (А.128)¹ Прекрасно видно, как автор стилизует время – здесь и старомодная форма представления и устаревшая форма фамилии автора «Отверженных», употребление модного тогда слова «мизерабли», уменьшительный суффикс – «подходец», постпозиция прилагательного

¹ Сокращением «А» обозначены русский, норвежский и шведский тексты «Азазеля», «Т» - роман «Турецкий гамбит». Цифры обозначают пагинацию в русском, норвежском и шведском текстах.

«души человеческие». Что может сделать переводчик? Практически ничего напрямую, потому что и фамилия Гюго и мизерабль, и субъект существуют в норвежском и шведском языках в традиционной форме и стилистически нейтральны. Что касается передачи слащавой манеры речи того же персонажа, в которой помимо уменьшительных форм есть еще и масса ласковых обращений типа «милый отрок», «ангел мой», «клубничный мой», то как средство характеристики персонажа они в переводе не отражены, переводчики ограничиваются более привычными «gutten min» и «kjæte venn». В таком случае у иностранного читателя нет оснований отнестись к данному персонажу настороженно, тем более, что и имя Порфирий ничего ему не говорит. Использование церковнославянизмов также не выполняет стилистической задачи, поскольку библейские выражения у скандинавов по языковой форме более обыденны: Там бурны дышат *непогоды* (А.131-134) – som stormen raser, ... у одного *тата* (А.129-131) – av en lokal kjeltring, дочь Израилева (А.71-77) – Israels datter. Те же трудности возникают, когда, например, авторское «пахитоска», так прекрасно переносящая российского читателя в отдаленную эпоху, превращается в скандинавских переводах в нейтральное «sigarett», а кожаный бювар в современную кожаную папку: brevpärmen i läder (А.16) – lærtappen (А.20).

Язык перевода в значительной степени утрачивает характер стилизации столь существенный для творческой манеры Б. Акунина, ввиду того, что устаревшие слова зачастую передаются в переводе словами современными. Несколько примеров: *наведаетесь* к баронессе (А.74-75) – henvend Dem til baronessen, *сомлели* (А.101-102) – ble De trett, *Торговать удачей почитаю* низким (А.51-51) – men å kjøpslå om lykke synes jeg er nedrig. *Уж не благоверная ли?* Больно молода для благоверной, совсем девчонка (Т.106-82) – Kunne det være Fandorins kone? Men hun var da altfor ung til å være hans kone – hun var jo bare et barn. Известно из теории и практики перевода, что подобная переводческая стратегия порой используется для приближения текста к читателю. (Aksoy 2001:199) Однако довольно трудно согласиться с разумностью такого подхода в произведениях, где архаичность стиля является одним из художественных приемов

автора, ибо подобное осовременивание лексики несомненно не только обедняет стилистическое мастерство писателя, но и осовременивает фон действия и поведение персонажей.

Так, автор намеренно употребляет смешанную лексику при описании размышлений старого полицейского служаки: взглянул на убиенную, позеленел весь и по стеночке, по стеночке во двор (А.11). Несомненен стилистической эффект столкновения официального «убиенная» с разговорным «по стеночке». В норвежском переводе – *straks Fandorin fikk øye på den drepte, ble han fullstendig grønn og la på sprang ut i bakgården* (А.9) в шведском – *När Fandorin såg liket blev han helt grön och måste med stöd av väggen ta sig ut på gården* (А.9). В шведском более точно передан смысл фразы, но оба перевода стилистически обеднены по сравнению с оригиналом. Элемент профессионального сленга довольно часто утрачивается в норвежском переводе: Он легко нагнал *подозреваемого* (А.41-40) – *Han tok igjen den intetanende studenten på en blunk* Что, собственно, он может этому Ахтырцеву *предъявить?* – *Hva kunne han vel fortelle denne Akhtyrtsev, следственная ажиотация* (А.29-28) – *etterretningsiver*.

Любопытно, как по-разному отнеслись переводчики к передаче карточного сленга. Если термины игры «лоб» и «сонник» (А.83) в шведском переводе становятся загадочными «lob» и «sonnik» (А.96), то в норвежском, они более понятны читателю «ranne» и «søvn-gjenger» (А.96). Вместе с тем сленговое «берет на зихер» (А.85) в норвежском переводе утратившее колорит «spiller urent» (А.84) в шведском вернулось к оригиналу «spielt sicher» (А.84). Однако русское «болван в преферансе» (А.149) передано более точно в норвежском «som blindemann i preferans» (А.154), а в шведском – «som bulvanen i preferens». (А.151)

Во всех подобных случаях при утрате этой дополнительной речевой характеристики в переводе, происходит и обеднение самого персонажа. Например, в речи Вари, гордой своими передовыми взглядами, проявляется ее отношение к Третьему отделению и его служащим: В *охранке* служить не буду, – отрезала Варя (Т.62-49) – *jeg vil ikke arbeide for det hemmelige politi*. Так господин *филер* склонен к романтике? (Т.67-54) – *Var detektiven virkelig romantisk anlagt?* За-

бавно, что ее революционный штамп «главный жандарм империи» (Т.195) в переводе стал невыразительным «начальником жандармов» – *imperiets gendarmerisjef* (Т.150).

Проблемы перевода разнообразных *отклонений от литературной нормы* в оригинальном тексте остаются дискуссионными в теоретических спорах и всякий раз требуют индивидуального подхода. Об этом интересно пишут Хервей и др., выделяя несколько главных критериев определения важности понимания использования автором тех или иных отклонений от нормы, для передачи которых рекомендуется использование диалекта, как социального, так и географического (Hervey, Higgins & Haywood 1995:12-13). Вместе с тем, показательно, что довольно часто переводчики игнорируют подобные явления, чтобы не сталкиваться с трудными поисками равноценных замен. В стилистической манере Б. Акунина широко используются различные средства акцентирования речевой характеристики персонажей и имитации другой языковой эпохи. Присутствие в тексте Акунина иностранных словечек в подлинном написании передает особый колорит описываемой эпохи – здесь и иностранные фамилии и названия иностранных газет, торговых марок. Интересно, что переводчики максимально приближают русскую версию к возможному иностранному варианту: Шеймас Маклафлин становится – James MacLaughlin, леди Эстер – Lady Aster в норвежском и Lady Astair в шведском, д'Эврэ – d'Hevrais, салон Дарзанса передан как «motesalongen Darzance» и «d'Arcence». Для русскоязычного читателя это часть литературной игры автора, имитация иностранности, для скандинавского – это обычные имена, даже название английской гостиницы, ставшее скандинавским заглавием романа, снабжено в русском тексте переводом. Правда, в шведском этот колорит передается полнее, поскольку переводчик использует французские вставки для сохранения духа эпохи. Так, мелодия из «Пертской красавицы» (А.39) в переводе передана как «La jolie fille de Perth», в норвежском – «Skjønnheten fra Perth» (А.40), для понятия «золотая молодежь» в шведском переводе последовательно употребляется французское клише *jeunesse doree*, в норвежском – *gyrne ungdom* и т.д.

Употребление иностранных словечек в русском тексте – часть стилизации, которая в переводе пропадает, поскольку графически эти слова не выделяются в общем тексте, но в отличие от русского, скандинавским читателям не предлагают их перевода: Как сказали бы склонные к understatement англичане (Т.53) – for å si det med engelsk understatement (Т.43) И как мило он рассказывал свои recits droles (Т.104) – fortalte sine recits droles.(Т.84). Our mutual friend вдруг попросился секретарем (Т.58) – skaffet vår mutual friend seg plutselig stillingen som sekretær (Т.47) Пресловутой fair play (Т.209) deres berømte fair play (Т.161). Иногда их называют «черти» или «керы» (А.86) – av og til brukes også det franske ordet coeur (А.87).

Однако, к заслуге переводчиков надо отнести то, что они пытаются передать иностранный акцент, свойственный некоторым персонажам, используя при этом различные методы. Так, немецкий акцент передается, как и в подлиннике, имитацией особенностей произношения: «зутулый студент» (А.27) передано как «kutryggig schtudent» (А.25) и «grumbøyd schtudent» (А.25) Этот прием систематически проводится в обоих переводах «задитесь» – slå er ned (А.33) и sett Dem på den schtul. Кроме того, возможны грамматические ошибки для имитации речи иностранца: «herrn som sig sköt?» – som skjöt på seg selv? (А.35) Даже удачно передана игра слов при ошибке иностранки, причем произведена адекватная замена фонетической ошибки на лексическую с сохранением семантического снижения к вульгаризму – весь зад в цвету (А.37-36) – prompenerte i full blomst. При передаче речи англичанина в русском использован прием передачи особенности произношения, в переводе используется сходный прием: Я не знал, что русские ползуют дженщин для эспionage (Т.31-27) – jeg visste ikke at røssere brøker kvinner i espionasje.

Иногда для передачи акцента переводчик использует как прием вставку иностранного слова в предложение: Это будет отчен интэ-рсно для моих читатэлэй (Т.27) – dette er meget *interesting* for lesere. (Т.37) Ansiktet var inte *sympatisk* (А.35). ... стал называть по-лоумного чужестранца your lordship (А.108) – började smått konfys kalla utlänningen your lordship (А.108).

Необходимо отметить среди удачных моментов и находки переводчика в передаче *простонародной и невежественной речи*: нивирситет (А.40) – unnverstet (А.38) скубент (А.31) – student. (А.31) В шведском переводе также используется этот прием – «niversitet» (А.38) Как прием возможно и просто указание на употребление диалекта, без попыток передачи его средствами родного языка: Проговорил он, напирая на «о» (А.48-68) – med dialektuttale. К такому комментированию переводчиком использования диалекта в оригинале как к вполне оправданному приему нередко прибегают переводчики на испанский, поскольку попытки найти другое решение связаны с оправданностью выбора того или иного диалектного варианта из языка перевода. (Sanchez 1999:307)

Остроумно решена проблема передачи на норвежский неправильной грузинской речи, построенной автором на звуковом письме: ...Бэз тибе я пыл, граз земной. Очен прошу вернис скорей.(Т.172-173) – В переводе используется неправильное написание грамматических форм, а также отображение ошибок в правописании, отражающем произношение. sjære, live uten dei, dolkan sjult støv og sjitt – в норвежском такое фонетическое письмо характерно для малообразованных людей. Как мы видим, неправильность речи и письма на неродном языке передана особенностями малограмотной речи, т.е. скорее социолектом. Переводчик проявил изобретательность для отражения смыслового недоразумения, связанного с неправильными грамматическими формами: Твой на тыцца лет Шалунишка – «В смысле твоя»? – Нет, не твоя, а именно твой». Переводчик передает недоумение лексическим противопоставлением «мужчина – женщина»: А если кто другой вместо Бесо в твой Кышынев найдеш... Hvis en annen mann enn Beso. Det står vel en annen kvinne? Удачно, кстати, найден вариант перевода для Шалунишки – Villkatten (дикая кошка).

Выше говорилось о том, что тексты Акунина насыщены *литературными и историческими ассоциациями*, этот очень важный момент вызывает большие сложности в переводе. Если относиться к литературным именам как к реалиям, то надо, вероятно, говорить о непереводаемом в переводе. Конечно, весь богатый арсенал ассоциаций передать не удастся, но переводчик использует раз-

личные стратегии, чтобы хоть что-то донести до своего читателя. Посмотрим, как это делается. Чаще всего русские реалии поясняются добавлением от переводчика:

Пьеса Ревизор, немая сцена. (Т.252-193) – Den stumme slutt-scenen i *Gogols* Revisoren.

А главное – учился в лицее с Поэтом (Т.195-151) – Men det viktigste var at han hadde gått på lyceet i Tsarskoe selo sammen med den store poet *Pusjkin*.

Какая жалость – а тут балет, поэма, бахчисарайский фонтан! (Т.137-106) – Hvilken sorg! et dikt som *Pusjkins* Fontene i Bakhtsjisaraj.

В духе Агафьи Тихоновны – если б к Петинной преданности.(Т.104-80) – i slekt med Agafija Tikhonovas ånd hos *Gogol*: Hvis hun la Petjas hengivenhet sammen med...

Возможна замена неизвестного читателям имени героя на комментарий с указанием автора (генерализация): А еще Печорина разыгрывает.(Т.46-38) han hadde utgitt seg for en romantisk *Lermontov-figur*. Подобный прием возможен и когда переводчик полагает, что читателю более понятно будет обозначение события по сути, а не упоминание неизвестного в его культуре исторического лица: Пугачевщина?(А.49) – En revolusjon? (А.48) Et Pugatsjovopprør? (48)

К сожалению, иногда при подобном пояснении, происходят неожиданные ошибки:

Не ведая, что почти дословно повторяет обожаемого Варей Пьера Безухова (Т.217-167) siterte Varjas yndlingsskikkelse Pierre Besukhin fra Krig og fred. Вероятно, это просто описка. Хотя совсем уж не описка, когда переводчик не распознает скрытой цитаты: от статуи командора (Т.123-95) здесь существенно Варино отношение к невозмутимости Фандорина, которого она сравнивает со статуей командора у Пушкина, что в переводе пропадает, поскольку непонятно, отчего вдруг возникает статуя какого-то всадника – fra ridderstatuen.

То же самое происходит с еще одной скрытой цитатой, но передано хотя бы ее значение: Опять один, у разбитого корыта (Т.111-86) – Igjen ble jeg alene og var like langt som før. Возможно и просто опущение ссылки, вероятно, переводчик посчитал, что она не информативна для читателя: Корнет очень недурен, на *Лермонтова*

похож (Т.5-6) Как мы видим, весьма часто в переводе утрачивается довольно важный компонент интертекстуальности прозы Акунина.

Конечно, при переводе романов, действие которых протекает в другую историческую эпоху от переводчика требуется не только особое языковое чутье, но и знание *реалий культуры и быта* отображаемой эпохи. У меня сложилось впечатление, что слова устаревшие или редко используемые в современной речи приводят переводчиков к ошибкам даже там, где их значение абсолютно прозрачно. Так, неожиданно возникает сложность с пониманием столь широко используемого в бюрократическом языке прошлого века слова «присутствие» в значении «учреждение»: Из присутствия? (А.34-33) – *personlig?* Столь же странно, когда старинное слово в переводе предстает в современном варианте в неподходящем контексте. Так, вряд ли уместно, говоря о стремительной карьере в Департаменте по иностранным делам употреблять современное «работать»: где теперь служил жених (А. 218-226) – *hvor han nå arbeidet.*

Некоторые забавные ошибки в переводе возникают именно в связи с малоупотребляемыми в современной речи словами: время от времени провожая взглядом смазливых *модисток*.(А.41-40) – *Vare av og til kastet han blick på søte små moteløviner.* Переводчик не замечает несоответствия определений «маленький» и «хорошенький» к словам «модная львица». Никакое критическое отношение Вари к самодержавию не оправдывает переводчика, наградившего императора красным носом в переводе предложения: Несмотря на возраст и *порфириноность* интересуется женским полом (Т.197-152) – *Tross alderen og den purpurgrøde nesen...*

В шведском переводе тоже встречаются недоразумения, связанные с некоторой архаичностью стиля оригинала: «к заветному окну» – *det upplysta fönstret*, в норвежском правильное «det forjettede vinduet», А Жан-то каков? (97) *Vad var det du kallade Jan* (А.97), ср. *er ikke Jean fantastisk?* (А.97) Вообще, максимальная внимательность к оригиналу необходима даже опытному переводчику, иначе возникают совсем ненужные ошибки, когда «малахитовый чернильный прибор» превращается в прибор из невиданного в природе черного малахита – *skriveuppsättning i svart malakit* (А.18) – *malakittsett med blekkhus* (А.20). Или не совсем оправданное превращение до-

потопных старух в «aldrende damer». (A.28) И совсем уж забавно явно не понятое норвежским переводчиком слово «бедняжка», заставившее его предсказать девушке, родившейся в мае, печальную судьбу: жить потом бедняжке всю жизнь в муках и страданиях (A.211) – *la henne lide og pines hele sitt liv med tiggerstaven*. (A.224)

Проблема перевода реалий, всегда достаточно сложная, представляется особенно важной в произведениях с демонстративной стилизацией быта и культуры другой эпохи. Досадно, когда в перевод вкрадываются ошибки или из-за незнания переводчика или вследствие ненужного осовременивания. Это очень ярко проявилось в норвежском переводе. Так, явно незнакома переводчику одна из самых колоритных фигур того времени: «тип Толстого-Американца» (A.73) превращается в «толстого американца» – *Den Fete Amerikaneren*. (A.74), в шведском – правильно. Гораздо более серьезно другое отклонение. Если в шведском переводе титулы «статский советник» и «действительный статский советник» переводятся последовательно как «statsråd» и «verkligt statsråd», то в норвежском фигурирует то «sivilråd», то даже «rådgiver», а приставка «действительный» в названии чина существенна для развития сюжета и опущение ее приводит к утрате эффективности одной из напряженных линий романа. На наш взгляд, переводчик нашел хорошее решение, снабдив шведский перевод приложением – переводом русской Табели о рангах, что, несомненно, помогает шведскому читателю разобраться в иерархии чинов. В норвежском переводе переводчик не так внимателен, и в результате «губернская секретарша», квартирная хозяйка Фандорина, превращается в «секретаря областной администрации» – *sekretær i fylkesadministrasjonen* (A.44), тогда как в шведском она продолжает быть вдовой секретаря – *änka efter en guvernementssekretärare* (A.44) Вообще в норвежском переводе более сильно, чем в шведском, ощущается стремление приблизить понятия к современности, так следственный пристав Сысского управления при московском оберполицмейстере (A:10-8) превращается в современного начальника отделения Уголовного розыска «*Avdelingssjef i Moskva kriminalpoliti*».

Вопрос о переводе реалий и так достаточно непростой, осложняется использованием в тексте *варваризмов* – реалий другой культуры. Как указывают критики перевода, принципиально важен при этом аспект распространенности инокультурной реалии в каждом из языков. Особенно наглядно выявляются эти проблемы при переводе «Турецкого гамбита», действие в котором развивается во время войны с турками в Болгарии. Любопытно сопоставить, какие из иностранных реалий совпадают, какие требуют переводческого решения. Такими употребительными в обоих языках оказались: плов – pilaf, аскер – asker, шах и падишах – sjah, radisjah, феска – fez, гяур – giaur, чадра – tsjadra, визирь – visir, султан – sultan, не говоря уж о гареме и евнухах. Однако есть и различия, так нашлись норвежские переводы для некоторых принятых в русском языке заимствований: кальян – vannpire, чубук – langpire. Возможны и переходные случаи, так слово «башибузук» существует и как заимствованное basjibuzuk, и как описательное villmenn. Однако наличие в собственном языке такого варваризма не спасает переводчика от ошибок, как это произошло с имеющимся в норвежском языке словом «ятаган» (кривая сабля) Переводчик просмотрел, что в тексте речь идет о коне под этой кличкой, что приводит к забавной нелепице в переводе, когда герой описывает своего коня: Ахалтекинец Ятаган (Т.62-80) – den sorte akhaltekinske jatagan.

Также и при передаче географических реалий переводчик должен сделать выбор: экзотический *Дунайский вилайет* (Т.48-40) заменяется понятным для читателя переводом – Donau-provinsen. Однако переводчик не всегда последовательно придерживается старомодного написания географических названий, но сама попытка такой стилизации имеет место: так, для названия города Кишинев используется или Chisinau или Kisjijnov.

Анализ перевода произведений Б. Акунина на норвежский и шведский языки показал, что помимо сложностей, с которыми сталкивается переводчик любого литературного произведения – перевод идиоматических выражений, культурно-исторических реалий, средств речевой характеристики – для перевода произведений постмодерна требуется повышенное внимание к стилистическому многообразию, многослойности текста для передачи не только фабулы

произведения, но и его сложного интертекстуального содержания. Необходимость внимательного прочтения текстов является одним из требований для успешного перевода. Если считать перевод актом коммуникации, то прием книги читателем является подтверждением успешности или неудачи перевода. Поскольку появляются новые переводы Б. Акунина, выполненные теми же переводчиками, и положительные отзывы критиков на романы Б. Акунина, можно считать, что переводчикам удалось заинтересовать читателей, следовательно акт коммуникации осуществлен успешно. Но не без потерь.

Сокращения

- А. Б. Акунин. *Азazelь*. М. Захаров. 2000
 В. Akunin. *Vinterdronningen*. Oversatt av Isak Rogde. Oslo. 2002.
 В. Akunin. *Vinterdrottningen*. Översättning från ryska av Kristina Rotkirch. 2002.
 Т. Б. Акунин. *Турецкий гамбит*. М. Захаров. 2001
 В. Akunin. *Tyrkisk gambit*. Oversatt av Isak Rogde. Oslo. 2003.

Литература:

- Б. Акунин. Массовая литература может быть возвышенной. Интервью. *Время новостей*. 06.12.2000.
 Aksoy Berring. Aspects of Textuality in Translating a History Book from Turkish into English. *Babel V*. 47, No. 3. 2001.
 Данилкин Л. Убит по собственному желанию. Послесловие в кн. Б. Акунин. *Особые поручения*. М. 2000 с. 313-318.
 Hervey, Sandor, Higgins, Ian and Haywood, Louise M. *Thinking Spanish Translation*. London. 1995.
 Sanchez, Maria T. Translation as a(n) (Im)possible task. *Dialect in Literature. Babel V*. 45. No. 4. 1999.

SUMMARY: On Scandinavian Translations of B. Akunin

The name of B. Akunin appeared on the Russian literary market five years ago. The author Grigory Tkhartishvili, a well-known man of letters, translator and a connoisseur of Japanese language and culture, is now known all over the world, and translations of his novels are widely available, including in Norway and Sweden. His novels are out of the ordinary not only as detective stories but also as works of postmodernist literature with intertextual connotations and complex historical and literary associations. The article presents an attempt to analyze certain peculiarities of his working methods, which present specific difficulties for translation into Norwegian and Swedish, such as verbal versatility and intertextual associations which are so important in postmodernist works. The article also deals with different translational strategies chosen by the translators in their rendering of realia, different social and local dialects and, what is most important – the intentional mannerisms of B. Akunin's artistic style.

e-mail: olga.komarova@hum.uit.no